

Исповедь / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 23 января, 2025

Исповедь / рассказ ИСПОВЕДЬ

Маргарита де Терель умирала. Ей было пятьдесят шесть лет, но на вид не менее семидесяти пяти. Она задыхалась, лицо ее, белое, как простыня, судорожно дергалось, все тело мучительно дрожало, а глаза дико блуждали, словно ей чудилось что-то страшное.

Ее сестра Сюзанна, старше ее на шесть лет, рыдала, стоя на коленях около кровати. На маленьком, покрытом салфеткой столике у ложа умирающей стояли две зажженные свечи, так как должен был прийти священник для соборования и причастия.

В спальне был зловещий беспорядок последнего безвозвратного прощания, как во всякой комнате, где лежит умирающий. На столах и полках – пузырьки из-под лекарств, во всех углах – полотенца, отброшенные второпях ногой или половой щеткой. Стулья и кресла, расставленные как попало, словно разбежались от испуга во все стороны. Смерть притаилась где-то здесь и выжидала.

История двух сестер была трогательна. Ее рассказывали по всей округе, и не раз она вызывала у слушателей слезы.

Старшая, Сюзанна, когда-то любила одного молодого человека, и он тоже любил ее, они были обручены, день свадьбы был уже назначен, но вдруг Анри де Сампьер скоростижно скончался.

Девушка была в ужасном отчаянии и поклялась никогда не выходить замуж. Она сдержала слово. Надев вдовье платье, она так и не сняла его.

И вот однажды утром ее сестра, ее младшая сестра Маргарита, которая было только двенадцать лет, бросилась к ней в объятия и сказала:

– Сестрица, я не хочу, чтобы ты была несчастной. Не хочу, чтобы проплакала всю жизнь. Никогда, никогда, никогда я не покину тебя! Я тоже никогда не выйду замуж. Я останусь с тобой навсегда, навсегда, навсегда.

Сюзанна, растроганная этой детской преданностью, поцеловала сестру, но не поверила ей.

Однако младшая тоже сдержала слово и, несмотря на увещания родителей, несмотря на мольбы старшей, так и не вышла замуж. Она была хороша собой, очень хороша; многие молодые люди влюблялись в нее, но она всем отказывала; она не покинула сестры.

Они прожили вместе всю жизнь, никогда не расставаясь. Они шли бок о бок одной и той же дорогой, связанные неразрывными узами. Но Маргарита всегда казалась печальной, удрученной, более суровой, чем старшая сестра, словно великая жертва надломила ее силы. Она быстрее состарилась, поседела в тридцать лет и часто хворала, как будто ее снедал какой-то тайный недуг.

Теперь она умирала первой.

Уже сутки она не говорила ни слова. Только на рассвете она сказала:

– Пошлите за священником, пора. Конвульсивно вздрагивая, она все время лежала на спине, страшная на вид, беспрестанно шевеля губами, словно из глубины ее сердца уже поднимались какие-то ужасные слова, но еще не могли сорваться с уст, и смотрела вокруг себя безумными от страха глазами.

Ее сестра, припав лбом к краю постели, плакала в глубокой скорби, повторяя:

– Марго, родная моя, детка моя!

Она всегда называла ее «деткой», так же как младшая называла старшую «сестрицей».

На лестнице послышались шаги. Дверь открылась. Появился мальчик-служка, а за ним – старый священник в стихаре. Увидев их, умирающая быстро приподнялась, села и, с трудом открыв рот, прошептала несколько слов, царапая ногтями по простыне, словно хотела разорвать ее.

Аббат Симон подошел, взял ее за руку, поцеловал в лоб и ласково сказал:

– Господь простит вас, дитя мое. Будьте мужественны; час настал, говорите.

Тогда Маргариту охватила тайная сильная дрожь, что вся ее кровать затряслась. Умиравшая пробормотала.

– Сестрица, садись и слушай...

Священник нагнулся к Сюзанне, припавшей к постели, поднял ее, усадил в кресло и, взяв за руки обеих сестер, произнес:

– Господи боже мой! Пошли им силы, будь милостив к ним.

И Маргарита заговорила. Слова, одно за другим, вырывались из ее горла, хриплые, отрывистые, как бы угасающие.

– Прости, прости, сестрица, прости меня!.. О, если бы ты знала, как я всю жизнь боялась этого часа!..

Сюзанна лепетала сквозь слезы:

– В чем тебя простить, детка? Ты отдала мне все, всем пожертвовала ради меня. Ты ангел...

Но Маргарита прервала ее:

– Молчи, молчи! Дай мне сказать... не перебивай... как страшно... дай мне сказать все... до конца... не шевелись... Слушай... ты помнишь... помнишь... Анри?..

Сюзанна, вздрогнув, посмотрела на сестру. Та продолжала:

– Выслушай меня, и ты все поймешь. Мне было тогда двенадцать лет, только двенадцать лет, ты помнишь, не правда ли? Я была избалована, делала все, что вздумается!.. Ты помнишь, как меня баловали?.. Слушай же... Когда он в первый раз приехал к нам, на нем были лакированные сапоги; он сошел с лошади у крыльца, извинился за свой костюм и сказал, что приехал сообщить папе какую-то новость. Ты помнишь все это, да?.. Молчи... Слушай... Увидев его, я так была поражена его красотой, что остолбенела и простояла в уголке гостиной все время, пока он разговаривал с папой. Дети – совсем особенные, ужасные существа... О, как я мечтала о нем!

Он приехал еще раз... стал бывать в доме... Я смотрела на него во все глаза... всей своей душой... Я была старше своих лет... и много хитрее, чем казалась... Он стал бывать чаще... Я думала только о нем. Я шептала: «Анри... Анри де Сампьер!»

Потом, стали говорить, что он женится на тебе... О сестрица, какое это было для меня горе... какое горе, какое горе! Я не спала три ночи и все плакала... Он приходил каждый день, после

завтрака... помнишь? Не отвечай... слушай... Ты делала для него пирожные, которые он очень любил... из муки, масла и молока... О, я тоже умела их готовить... Я и сейчас могла бы сделать их, если было бы нужно. Он проглатывал их целиком, выпивал стакан вина... и говорил: «Замечательно!» Ты помнишь, как он говорил это?

Я ревновала, о, как я ревновала!.. Приближался день твоей свадьбы. Оставалось только две недели. Я совершенно обезумела. Я говорила себе: «Он не женится на Сюзанне, нет, я не хочу этого. Он женится на мне, когда я вырасту большая. Я никого не полюблю в жизни так сильно, как его...» Но однажды вечером, за десять дней до свадьбы, ты гуляла с ним перед замком при свете луны... и там... под елью... под большой елью... он обхватил тебя обеими руками и поцеловал долгим-долгим поцелуем... Ты помнишь это, не правда ли? Это был, вероятно, ваш первый поцелуй... Да... Ты была такая бледная, когда вернулась в гостиную!

Я видела вас, я была в саду, в кустарнике. Я пришла в бешенство. Я убила бы вас, если бы могла!

Я сказала себе: «Он никогда не женится на Сюзанне! Он ни на ком не женится. Я не вынесу такого несчастья». И вдруг он стал мне глубоко ненавистен.

Тогда, знаешь, что я сделала?... Слушай... Я видела, как наш садовник приготовлял колобки, чтобы травить бродячих собак. Он камнем разбивал бутылку в порошок и толченное стекло клал в мясной шарик.

Я взяла у мамы аптекарский пузырек, искрошила его молотком и спрятала толченное стекло в карман. Это был блестящий порошок... На следующий день, когда ты приготовила пирожные, я разрежала их и подмешала туда порошок... он съел три штуки... и я тоже съела одно... Шесть остальных я бросила в пруд... Два лебедя умерли через три дня... помнишь? Молчи же... Слушай, слушай... Только я одна не умерла... но осталась больной навсегда... Слушай... Он умер... Ты знаешь... Слушай... Это еще ничего... Но, потом... все время... было самое страшное... слушай...

Вся жизнь, вся моя жизнь... какая это была мука! Я сказала себе: «Я больше не покину сестру и перед смертью все скажу ей...» Да... И с тех пор я всегда думала о том часе... о том часе, когда я признаюсь тебе во всем... Час настал... Как мне страшно... О!..

Сестрица!

Утром и вечером, днем и ночью я все думала об одном: «Придет время, и я признаюсь ей во всем...» Я ждала. Ах, какая это пытка!.. И вот я все рассказала... Молчи! Ни слова... Теперь мне страшно, страшно... о, как мне страшно!.. Если я теперь увижу его... на том свете... если увижу, – подумай только?.. Ведь я увижу его первая!.. Я не посмею!.. Но придется... Я умираю... Прости же меня! Прости!.. Я не могу предстать перед ним без твоего прощения. Скажите ей, господин кюре, чтобы она простила меня... скажите, прошу вас... Я не могу умереть без этого...

Она умолкла и, тяжело дыша, судорожно царапала ногтями по простыне...

Сюзанна закрыла лицо руками и не шевелилась. Она думала о нем, о том, кого могла бы любить так долго! Какую хорошую жизнь могли бы они прожить! Она снова видела его, видела в исчезнувшем прошлом, в далеком, навсегда угаснувшем прошлом. О дорогие мертвецы! Как они терзают нам сердце. А этот поцелуй, его единственный поцелуй! Она сохранила его в душе. И после него – ничего, ничего за всю жизнь!..

Вдруг священник выпрямился и громко крикнул дрожащим голосом:

– Мадмуазель Сюзанна, ваша сестра умирает! Тогда Сюзанна отвела руки от залитого слезами лица, бросилась к сестре и, крепко целуя, шепнула:

– Прощаю тебя, детка, прощаю...

* * *

Напечатано в «Голуа» 21 октября 1883 года под заглавием «Признание» («L'aveu»).

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 4. МП «Аурика», 1994

Перевод В.Мозалевского. Heкаýalar